Без Бога. Рассказ

> 10 Ефрон же сидел посреди сынов Хетовых; и отвечал Ефрон Хеттеянин Аврааму вслух сынов Хета, всех входящих во врата города его, и сказал:
> 11 нет, господин мой, послушай меня: я даю тебе поле и пещеру, которая на нём, даю тебе, пред очами сынов народа моего дарю тебе её, похорони умершую твою. Бытие 23 глава — Библия: https://bible.by/syn/1/23/

Глотая слёзы подошла старушка к воротам, тихонько открыла калитку и вошла во двор. Сквозь щели ставней просвечивался свет. Она присмотрелась. Там горели лампы, двигались фигуры и гудели голоса. Дом этот принадлежал Алексею Хватаеву, человеку горячему и «краснобаю». Без его присутствия не могло обойтись ни одно собрание, ни одно совещание в посёлке. Он был вездесущ. С пылким энтузиазмом он клеймил пороки людей с трибуны, восхищался

добродетелями людей, преклонялся перед светилами науки и искусства, и в поздние часы ненастных и бурных ночей в его доме до зари горели огни, и суетились люди: то шли шумные дебаты, то сильные мира сего сокрушались грозным и могучим словом, то судьбы человечества вершились тайно. Хозяин сидел на председательском месте, улыбался и восхищался своей мудростью.

Старуха робко постучала в дверь.

— Кто там? — послышался тревожный шёпот из сеней. В окне коридора показалось тёмное лицо человека.

Старушка назвалась и попросила вызвать хозяина. Человек отошёл от окна и издал звук, похожий на кашель больного. Вдруг в доме послышалось частое шарканье ног и таинственный, отрывистый шёпот, затем всё стихло…

Кухонная дверь распахнулась, блеснул яркий свет, и в сени вышел хозяин.

— Кто там стучит? — спросил он и, приотворив дверь, высунул на двор своё полное лицо с очками на носу.

— Я… Ольга…

— Ты… Ольга?! Гм… Что тебе?

Лицо старушки вздрогнуло, и в глазах блеснули слёзы.

— Н-ну… Это ещё что за нюни? — осерчал Хватаев, морща нос и встряхивая головой: — Говори, в чём дело!

— Семён умер, — плачущим голосом ответила старуха.

— Ну, что же из этого, — сказал он. — Все помрём!.. При чем же тут я… Перестань же плакать! Зачем ты пришла ко мне? Что тебе от меня надо? Говори!

Сдерживая приступы рыдания, старуха объяснила, что пришла известить их, как братьев, как родных.

— Надо же похоронить покойника. Ведь я одна. Ты родной, — всхлипывала она.

«Родной» снял очки с носа и, протирая их платком, ответил:

— К сожалению, Ольга, пойти с тобой я не могу… Понимаешь? Я рад душой, но, извини… У меня товарищи, мы решаем важные вопросы. Гм… Ты плачешь? Пойди к Димитрию, он, кажется, дома и свободен. Пойди! Мг… Холодно, дождь, а я без шапки! Прощай! — И дверь захлопнулась.

Была осень, — дождливая и ненастная. Дождь хлестал по липам, ветер сердито трепал одежду, а грязь безжалостно оттягивала ноги. Старушка, заливаясь горькими, безутешными слезами, пошла к Димитрию.

Димитрий был человеком коммерческим, торговал лошадьми и чуждался всяких «подоблачных» иллюзий, а ловил синицу в руки. Он был воплощением житейской действительности и слыл за

человека зажиточного. Он построил себе новый дом на самом краю посёлка, у опушки леса. Так как квартира там могла дать доход небольшой, то старый дом в посёлке он отдал в наём, а сам переселился в новый.

Чтобы добраться до этого дома, старушке пришлось пройти через весь посёлок, месить всю грязь, промокнуть, загрузнуть в десятках луж и взбудоражить сотни собак. Дом стоял особняком среди большого огорода. Вокруг было темно.

Выл ветер, бушевал и стонал лес. Старушка перелезла через забор, подошла к окну и постучалась. В окно выглянуло бородатое заспанное лицо Димитрия.

— Чего надо! Кто там? — злобно крикнули он. — Носит же недобрая по ночам! Смотри — собака порвёт!

Дверь скрипнула, распахнулась, и высокая фигура Димитрия, окутанная с головой в большую женскую шаль, вышла на двор.

— Это ты, Ольга? — отгоняя собаку, спросил он.

— Я…

— Что тебе? Аль, случилось что?

— Царство ему небесное! — произнёс он, узнав, в чём дело. — Видишь ли, Ольга (он разгладил бороду и почесался в голове). Я не прочь… Царство ему небесное… Я не прочь… Но, пойми: завтра пятница… базар. Я подготовился. Сама знаешь: дело торговое, пойдёшь с тобой — и весь базар пропал… Нет, Ольга, зайду-ка я к тебе лучше после базара. Хорошо?

Старушка кончиком платка утирала слёзы. Позади злилась собака, хватала за одежду и за ноги.

— На тебе палку, — сжалился Димитрий, — собаки порвут!

Заглушив клокотавшее в груди рыдание, старушка пошла к третьему брату. Это был ещё молодой человек, одинокий, любивший мир, его пышность и его суету. Старушка с большим трудом и большими усилиями нашла его в доме одной его знакомой, муж которой томился в тюрьме. В доме было темно и тихо. Она постучалась в ставню.

— Кто там? — послышался женский голос.

Старушка назвала своё имя.

— Что надо?! — вдруг спросил сердитый мужской голос.

— Брат помер…

— Что-о?! Чхи! Чхи! Туда ему и дорога! Прошу меня покойниками не беспокоить! С Богом!

И с камнем на сердце, вся в слезах, измокшая и измученная пришла она домой. На кровати лежал холодный трупе мужа. Она припала к нему и горько-горько зарыдала.

Покойника похоронили люди чужие - соседи и приглашённые. В первый праздничный день после похорон вдову навестили братья. Они признательно пожали ей руку и извинились за то, что не

смогли прийти по её зову.

- Сама знаешь, родная, мы люди подневольные, — говорили они. — Брось дело, будешь без хлеба!

Вдова пригласила их к столу. Закусывая усердно, они посочувствовали её горю. Затем осторожно и любезно коснулись вопроса: от чего умер брат? Лежат ли деньги в банке? На чьё имя составлено имущество и дом? Не оставил ли покойник завещания? Нет? Гм! - произнесли братья и переглянулись друг с другом, и продолжили:

- Так как ты, Ольга, бездетная и покойник воли своей тебе не оставил, то здесь теперь ты больше не хозяйка. Да! Хозяева всему — мы! Мы его родные братья и, разумеется, главные его наследники… Твоей доли от дома лишь небольшая часть. Да! Будь у тебя дети или документальное завещание… о, тогда, конечно, другое дело! А теперь… Гм! Они чокнулись, помянули добрым словом покойного брата, выпили, крякнули и потёрли руки.

- И это за всё то, — сказала вдова, — что, когда вы были маленькими сиротами, я обмывала, обшивала вас, ухаживала за вами, была вашей матерью, заботилась о вас и любила, как родных детей? И это за всё то?! Спасибо, спасибо!

Она горько улыбнулась и добавила:

- Где же ваша совесть? Ведь я одна… мне пятьдесят лет… Ведь вы родные… И ведь всё это нажито собственными, кровавыми мозолями. — Как вам не грех! Впрочем, земля не без судей, а свет не без Бога! — закончила уверенно вдова.

Братья были людьми бывалыми — знали свет и людей. Носы держали по ветру и понимали, где чем пахнет. Хотя во всеуслышание любили блеснуть красным словцом о добродетели и громовым голосом пугнуть коварство людей, сами были первыми таковыми. Ради презренного металла, который позорили и клеймили повсюду, они были готовы на всё. Руки имели длинные.

Улыбку и укор вдовы они пропустили мимо ушей, будто и не слышали.

На следующий день они явились снова; с ними были понятые и некоторые из властей. Всей толпой они обошли весь двор, заглянули во все углы, опробовали лошадей, экипажи, переписали всё до мелочей, затем потребовали документы и банковскую книжку. Всё это спокойно, почтительно и любезно. Вдове говорили посторонние вещи и забавляли шутками. Она была женщиной простой, откровенной, верила во всё и верила в совесть людей. На любезность братьев она отвечала им своей любезностью. И была спокойна и ясна. Через год её попросили в суд. Всё время до суда братья низко и почтительно кланялись ей, в будущем не высказывали никаких намёков и поползновений. Всё было по-родному.

На суде братья были одеты в лучшие костюмы и вели себя по-джентльменски, говорили ясно и толково, не затягивая с ответами. Они также пригласили своего поверенного (адвоката).

Вдова, веря своему принципу, что земля не безсудна, и всё, что приобретено трудом собственных рук, никто не может отнять, слушала доводы братьев и их адвоката перед судьями, пожимая плечами, недоумевая и улыбаясь. Всё это казалось ей странным и нелепым. Когда же прочитали

приговор суда, она вдруг изменилась в лице, задрожала и вскочила на ноги. Ей сначала показалось, что она ослышалась, или человек, читавший бумагу, что-то перепутал.

— Что?! Я лишаюсь всего?! Мне обещают какую-то часть, крохи?! Я трудилась, я наживала и мне сулят крохи?! — шептала она взволнованно, и слёзы текли по её морщинистым щекам. — Это что-то не так! Это что-то не так!

Её прекрасной душе стало больно. Сердце её забилось, как молот; она закрыла лицо руками, опустилась на стул и зарыдала… Зарыдала гнетуще, раздирающе душу.

Была зима… Трещали морозы. Мелькали хлопья снега, свистел ветер, и выла вьюга. На воротах одинокой вдовы, имевшей такое прекрасное сердце и ясную детскую душу, четырьмя гвоздями прибивалась дощечка с надписью: «Сей дом продаётся. Спросите у Алексея Хватаева».

И бедная старушка, которая в течение тридцати лет жизни с мужем лишала себя всех удовольствий, радостей жизни, сохраняя каждую копейку на чёрный день, сидела в изодранной, ветхой одежде на паперти церкви с протянутой рукой… Она просила милостыню! Недавно она умерла… Её похоронили на общественный счёт. О, как ужасны и отвратительны дела людей, живущих без Бога!..

Ф. Морозов

Журнал "Баптист" № 1, 1911 год, страницы с 2 по 4

Комментарии
